

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 2

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1999

книге история Булгарского и Казанского государств и мусульманской общины в составе России впервые изложена в соответствии с методами традиционной мусульманской историографии и в то же время принят опыт составления национальной истории татарского народа.

Лит-ра: [сб.] Шихаб ад-дин ал-Марджани хазратларининг виладатина йуз йил тулу (1233–1333) мунасабатилина нашр итулди. *Марджани*. Нашири: Салих б. Сабит Губайдуллин. Казан, «Магариф», 1333; [то же, частичное переиздание:] *Шихабатдин Марджани*. Алмет, «Рухият», 1998; *М.А.Усманов*. Источники книги Ш.Марджани «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казан, 1969, вып. 2–3, 144–154; *М.Х.Юсупов*. Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981; [сб.] *Марджани*: ученый, мыслитель, просветитель. Казань, 1990; *А.Юзеев*. Шихаб ад-дин Марджани: мыслитель, религиозный реформатор, просветитель. К 180-летию со дня рождения. Казань, «Иман», 1997; *он же*. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков, кн. 1–2. Казань, «Иман», 1998; Ш.Марджани: наследие и современность. Материалы международной научной конференции (Академия наук Татарстана. Институт истории). Казань, 1998; *Kemper*. *Sufis*, 429–473.

Ан. Х.

Марсийа (араб. «оплакивание умершего») — особый вид лирической посмертной элегии, получивший широкое распространение в арабской, персидской и тюркоязычной литературе; известны М. и на других языках, носители которых исповедуют ислам (например, малайцы) и находятся под влиянием мусульманской культуры. Среди исследователей нет единого мнения о происхождении этого жанра. Большинство усматривают в нем древнеарабские (древнесемитские) либо древнеперсидские корни. Ши'итская традиция исходит из того, что первая М. прозвучала после «трагедии в Карбала», т.е. после убийства *имам* ал-Хусайна (в 680 г.). Предвляется, что М. в исламской культуре — продукт многовекового синтеза традиций посмертных элегий народов, населявших дар ал-ислам.

Арабские М. чаще всего составляли в рифмованной прозе (*садж'*), персидские и тюркские — только рифмованные, с очень глубокими *редифами*. Сформировалось по крайней мере три вида М.: 1) официальные, составлявшиеся на смерть правителей, высокопоставленных лиц; по жанру и стилю они напоминают хвалебные оды (*мадх*), в том числе нередко и в адрес преемника покойного; 2) М., посвященные друзьям, родственникам (родителям, безмерно умершим детям и т.д.); такие стихи наиболее «жалостливые» и являют собой лучшие образцы поэзии этого жанра (например, М. Са'ди Ширази на смерть Абу Бакра Занги, Джами на смерть своего сына, Нава'и на смерть Джами); 3) М., составленные знаменитыми поэтами перед смертью на собственную кончину (как, например, в «Шараф-нама» Низами).

В Средней Азии редко какой автор нарративных, агиографических сочинений или антологий обходился без принадлежавших другим либо своих собственных М., в конце которых обязательно приводилась хронограмма (*та'рих*) с зашифрованной датой смерти упокоившихся. Такие «шарады» основывались на числовых значениях букв арабского алфавита (*абджад*), а также на многозначности отдельных слов и словосочетаний. Примерно с начала XI в. М. стали высекать на надгробиях, эта традиция сохраняется и поныне. Первые М. в Средней Азии были написаны на арабском или персидском языках, в XV в. персидские М. полностью вытесняют арабские. Зафиксированы немногочисленные тюркоязычные (чагатайские) М., которые стали чаще встречаться на надгробиях только в XVIII–XIX вв.

М. не имели определенной «сюжетной линии». При всем богатстве внешних форм они отличались традиционностью содержания, удивительным постоянством мотивов, которые в основном сводились к следующему: «рыдания» и «горький плач» по случаю смерти покойного, упоминание его хороших качеств, пожелание ему достойного места в раю и выражение «нижайших надежд» встретиться с ним «в лучшем мире» и тут же — сожаления по поводу неизбежности смерти, быстротечности жизни, жалобы на «жестокую судьбу-разлучницу» и т.п. Внешне наблюдается некоторое противоречие с общеисламскими представлениями о покорности воле Бога, о смерти как избавлении от «мук дольного мира», о радости пребывания в «вечном мире», о «райских наслаждениях», которых, судя по тем же М., покойный несомненно был достоин. Однако это не означает, что жанр М. — «способ атеистического мышления», как до недавнего времени утверждали некоторые советские исследователи. М. — продукт естественных человеческих чувств, которые не всегда совпадают с религиозными установками.

Лит-ра: *Му'ин Мухаммад*. Фарханг-и фарси. Т. 3. Техран, 1371; Адабий турлар ва жанрлар. Таш., 1992, 149–150; Энциклопедияи адабиёт ва сан'ати тоджик. Душ., 1989, 2, 161–162.

О. Н.

Махкама шар'ийа (реже *диван шар'ий*: араб. калька с рус. «шари'атский суд», «шари'атская канцелярия», сокр. «шарсуд») — судебная инстанция, учрежденная в послереволюционной России для мусульман Северного Кавказа. Основным источником права для шари'атских судов признавались нормы *шари'ата*. На западе региона М. Ш. следовали ханафитскому толку *фикха*, на востоке — шафи'итскому (среди мусульман-суннитов) и джа'фаритскому (среди мусульман-ши'итов).

Восстановление *шари'ата* в полном объеме было одним из главных лозунгов революции 1917 г. на Северном Кавказе. Реше-

ние о создании первых М. Ш. приняли I Съезд горских народов Кавказа во Владикавказе в мае 1917 г. и I Съезд народов Террека в Моздоке в январе 1918 г. Городские суды (араб. *махахим/дававин ал-мадина*) открылись во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре и других крупных городах, сельские суды (араб. *махахим/дававин ал-кариа*) — в отдельных селениях в горах, предгорьях и на равнине. К ним перешли функции так называемых словесных и народных судов, которые до революции разбирали уголовные и отчасти поземельные дела согласно местному обычному праву ('*адат*'), а гражданско-семейные и наследственные споры — по *шари'ату*.

В годы гражданской войны эти суды были преобразованы в военно-шари'атские суды, игравшие роль военно-полевых трибуналов. «Положение о военно-шари'атском суде» утверждено в январе 1919 г. Советом министров Горской республики. Эти суды продолжали работать при сменявшихся друг друга военных режимах: турецких оккупационных властях, под властью полковника Л.Ф.Бичерахова и Добровольческой армии генерала А.И.Деникина. Независимо от них с сентября 1919 по март 1920 г. в чеченском селении Ведено, дагестанских селениях Анди, Ботлих и некоторых других действовали М. Ш. Северо-Кавказского *эмирата шайх ал-ислам Узун-хаджи*. На территориях, контролируемых большевиками, в 1919–1920 гг. работали революционно-шари'атские суды. М. Ш. использовались для расправ над политическими врагами. Так, в июле 1919 г. главный военно-шари'атский суд Темир-Хан-Шуры приговорил к смертной казни У.Буйнакского и других советских работников Дагестана, арестованных деникинцами. В свою очередь, в марте 1920 г. при большевиках члены этого суда были расстреляны по приговору Темир-Хан-Шуринаского революционно-шари'атского суда.

После окончания гражданской войны в каждой советской автономии была создана своя иерархия шари'атских судов. Основные принципы их деятельности закрепили «Положение о шари'атских судах» Дагестанского Ревкома и ЦИК ДАССР от июня 1920 и июля 1922 гг., постановление «О введении шари'атского судопроизводства» в Горской АССР от апреля 1921 г., законы о шари'атских судах, разработанные в Адыгейской, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Северо-Осетинской, Чеченской и Ингушской автономных областях (АО), на которые распались Горская АССР и Кубано-Черноморская республика.

В Дагестанской АССР организация шари'атского правосудия была трехступенчатой. Ее низовой уровень составляли сельские и городские суды — «шари'атские тройки» из двух членов и председателя (*дубира*). Они рассматривали иски о разделе имущества размером до 300 руб. (в ценах 1922 г.), гражданские и наследственные споры на сумму до 100 руб., мелкие уголов-

ные и поземельные дела. Апелляции на их решения подавались в окружные суды (араб. *махахим/дававин ан-нахийа*) в составе «шари'атской тройки», писца и расильного. Эти же суды рассматривали гражданские и наследственные споры, дела о разделе имущества на сумму до 1 тыс. руб., поземельные тяжбы между селениями, убийства и другие тяжкие преступления. Кассационной инстанцией для М. Ш. всех уровней были Шари'атский подотдел и следственные комиссии при НКЮ ДАССР.

В Горской АССР и образовавшихся из нее автономиях система шари'атского правосудия была иной. Основным его звеном были не сельские и городские суды, а окружные «шари'атские тройки» во главе с *кади* (*эфенди*). Они разбирали гражданские и наследственные споры на сумму до 200 руб., кражи размером до 50 руб., другие мелкие уголовные правонарушения, а также составляли «списки порочных лиц», т.е. преступников-рецидивистов, подлежащих административной высылке за пределы региона или заключению в концентрационный лагерь. Наиболее широкими полномочиями шари'атские суды обладали в Чечне и Ингушетии, где их решения могли быть обжалованы только в Верховном суде РСФСР, которому был поручен надзор за деятельностью М. Ш. В Кабардино-Балкарии и Адыгее кассационной инстанцией для М. Ш. был местный НКЮ. Наконец, в Кубано-Черноморской республике вместо М. Ш. была учреждена должность *кади* в составе местных народных судов. Шари'атские суды ежегодно разбирали от 30–50 (на Северо-Западном Кавказе) до 70–80% (в Дагестане и Чечне) всех судебных дел.

В 10–20-е гг. в работе М. Ш. участвовали известные на Северном Кавказе *факихи*, в том числе шафи'итские *шайхи* 'Али-хаджи ал-Акуши, Узун-хаджи ас-Салти, Наджм ад-дин ал-Гоцоби (Наджмутдин Гоцинский), шафи'итские *кади* 'Али Каяев, Абу Суфьян Акаев, ханафитский *шайх* Мухаммад Боташев (Шакай-улу), ханафитские *кади* 'Али Абуков, Исма'ил Акбаев (Чокуна-эфенди), Салих-хаджи Басрабиев и др. В составленных ими в это время письмах-*фетвах* широко использовались принципы *иджтихада* и характерного для Северного Кавказа правового плюрализма. Наряду с мусульманским правом М. Ш. применяли нормы '*адата* и советского уголовного законодательства (примирение-*маслихат*, административная высылка кровника-*канлы*, штрафы и заключение в лагерь на срок до трех лет и проч.).

Если в начале 20-х гг. Советская власть пыталась привлечь на свою сторону мусульманское большинство населения Северного Кавказа, признав *шари'ат* «правомочным обычным правом» (И.В.Сталин), то накануне коллективизации окрепшее Советское государство решило уничтожить шари'атское судопроизводство. В Горской АССР М. Ш. несколько раз то запрещали, то вновь открывали, пока окончательно не ликвидиро-

вали в августе–декабре 1922 г. (на территории современной Северной Осетии с мусульманским меньшинством). В остальных автономных в 1922–1924 гг. их сняли с государственного обеспечения и перевели на содержание мусульманских общин, желавших судиться по *шари'ату*. Тяжкие уголовные правонарушения, поземельные тяжбы, дела по опеке над вдовами и сиротами, а также иски, в которых одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд, передавались в народные суды. В январе 1925 г. М. Ш. были отменены в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 г. — в Ингушетии и Чечне, а в апреле–октябре 1927 г. — в Дагестане. В 1928 г. в УК РСФСР была введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». По ее ст. 203–204 уличенные в участии в М. Ш. на год ссылались в концентрационный лагерь.

Насильственное объединение крестьян-мусульман в колхозы и гонения на М. Ш. вызвали волну долго не прекращавшихся крестьянских волнений. Крупнейшие из них: движения 1928–1929 гг. в Кабарде (Баксанское и Верхнекурповское «дела»), восстания 1930 г. в Большом Карачае, Дагестане и Северном Азербайджане (Дидойский и Хновский мятежи, «дело» *шайха* Штульского), бунты горцев Чечено-Ингушетии и Северного Дагестана в 1934–1936 и 1940–1942 гг. Одним из главных требований восставших было восстановление *шари'атских* судов. Восстания были жестоко подавлены Красной Армией при поддержке отрядов НКВД и Частей особого назначения (ЧОН). В 1944 г. чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. Однако, несмотря на репрессии в 30–50-х гг., во многих сельских районах Северного Кавказа и даже в среднеазиатской ссылке *шари'атские* суды продолжали тайно действовать.

После распада СССР на волне движения за мусульманское возрождение началось восстановление *шари'атских* судов. Несколько десятков их учреждено в сельских и городских мусульманских общинах Дагестана и Чечни, единичные — в Адыгее, Карачае (Моздок), Кабарде (Нальчик) и Северной Осетии (Владикавказ). В 1996 г. из УК РФ были изъяты ст. 212 и 235, приравнивавшие применение норм *шари'ата* к тяжкому преступлению, однако *шари'атские* суды так и не были признаны в РФ. Их узаконили только в Чеченской Республике Ичкерия, где в 1996 г. рецептирован уголовный кодекс Судана, в целом основанный на нормах *шари'ата*, и в Ингушетии, где в декабре 1997 г. принят закон о мировых судьях, обязывающий их «руководствоваться нормами *'адата* и *шари'ата*» (ст. 3). В отличие от 20-х гг. сегодня *шари'атский* суд чаще всего представляет *имам* (*дибир/эфенди*) соборной мечети, который по пятницам председательствует на заседаниях совета старейшин общины и выполняет обязанности местного *кади*. Обычно эти суды ограничиваются раз-

бором мелких уголовных и брачно-семейных дел, нотариальным оформлением завещаний. Наряду с *шари'атскими* судами у мусульман Северного Кавказа работают российские народные и общественные третейские суды.

Лит-ра: Х.М.Хашаев. Шариат, адат и преступления, составляющие пережитки родового быта в Дагестане. М., 1949; Съезды народов Терка. Орджоникидзе, 1977, I; З.Х.Мисроков. Исчезновение шариата в автономиях Северного Кавказа. М., 1979; он же. Адатские и шариатские суды в автономиях Северного Кавказа. Автореф. канд. дис. М., 1979; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): документы и материалы. Махачкала, 1994; *Бобровников*. Ислам и советское наследие, 132–142; он же. Исламская трансформация колхозов Аварии (Нагорный Дагестан) // *Восток*. М., 1998, № 5, 100–108; *Бобровников*. The Islamic Revival.

В. Б.

Махр (араб.; тюрк., перс.-тадж. *махр*) — норма мусульманского права, обеспечение (денежное или имущественное) жены мужем, устанавливаемое при бракосочетании и остающееся в ее собственности после смерти мужа и при разводе с ним по его инициативе. Термин употребляется как в сфере мусульманского права, так и в обрядовом брачном церемониале. Неустойчивость в понимании содержания понятия М. отразилась в переводе этого термина в различных словарях. Приравнение М. к *калым* или приданому неправомерно: *калым* — норма обычного права (*'адат*), плата за невесту, поступающая в распоряжение ее родителей; приданое — имущество, которое невеста получает от своих родителей при выходе замуж (оно может превосходить по стоимости *калым*), считающееся ее собственностью, приобретает частично на средства жениха.

Ритуал определения размеров М. — составная часть брачно-свадебного церемониала. В Коране вопросам брака отведено значительное место (*суры* 2, 4, 24, 60), в том числе говорится и о даровании женам некоего имущества. Конкретные положения мусульманского права о браке опирались на тексты Корана. основополагающая идея М. в мусульманских источниках общая — это обеспечение жены мужем, однако в деталях отмечаются региональные варианты.

Положения о М., на которые опираются и в среднеазиатском регионе, содержатся в сочинениях по *фикху*, например в «ал-Хидайа» Бурхан ад-дина ал-Маргинани (ум. в 1197 г.). Согласно *шари'ату* М. может быть выдан двумя способами: или полностью сразу по заключении брачного договора, или частями либо с отсрочкой выплаты. В первом случае обеспечение жены называется М. *му'аджжал* (в виде движимой и недвижимой собственности или в деньгах, М.-*накд*). Во втором случае оно считается в долгу за мужем как М. *му'аджжал* или на-